

НЕ ТАК ДАВНО я закончил съемки в фильме «На диком берегу» режиссера А. Граника. Мой герой — начальник стройки крупнейшего гидроузла в Сибири, старый кадровик, партиз. Свою жизнь он понимает как непрерывную цепь деятельности, беспрерывную цепь человеческих усилий. И душой, и помыслами он неотделим от людей, трудом которых утверждается наше государство, наш строй, великий и могучий. Он не отделяет свое «я» от тех, кто подчинен ему, вместе с ними он трудится и переносит лишения и тяготы во имя одной общей цели.

И рядом с ним другой герой: главный инженер стройки Петин — талантливый, способный, деятельный молодой человек. И он так же энергично участ-

о другой, на мой взгляд, о самой главной стороне актерского труда.

Искусство актера, как и любое другое искусство, нельзя рассматривать как нечто устоявшееся, окончательно сформировавшееся. Оно всегда будет развиваться и совершенствоваться в поисках средств выражения. Так было во все времена и эпохи.

Но особенно важны эти поиски в наше время, когда перед искусством актера стоит задача рассказать о великих целях и стремлениях нашего общества, о нашей борьбе во имя добра и человечности против всего отживающего и враждебного. Своим искус-

ством актер утверждает идеалы нашего общества, и потому немислимо актерское творчество без ясного понимания этих идеалов. Труд актера не состоит в простом умении передать на экране поступки или чувства героя, главное — постичь и донести до зрителя общественный, гражданский смысл создаваемого образа..

Я не верю, что актер может увлечь других чувствами, которыми не увлечен он сам. Но когда ты возмущен, к примеру, упорством Вожака в «Оптимистической трагедии», его тупой настойчивостью, переходящей в деспотизм, его философией духовного тупика, его поступками, противоречащими народным стремлениям, то тогда твоё собственное творческое

Наше ИНТЕРВЬЮ ПОЗИЦИЯ ХУДОЖНИКА

Борис АНДРЕЕВ, народный артист СССР

вует в осуществлении великих планов, но главным для него всегда было, хотя он и умел искусно скрывать это, утверждение собственного «я».

У каждого из них есть честолюбие, есть и гордость, только содержание этой гордости разное: у одного честолюбие, жажда карьеры, у другого — ощущение в себе достоинства человека советского общества.

Подобные типы людей, наверное, есть в любой среде, в том числе и актерской. Нельзя актеров упрекать за долю личного честолюбия. И не нужно бояться этого слова. В нем заключен смысл более широкий, чем просто мелочное самолюбие. Но одно дело — желание человека видеть признание своего труда, а другое — выпячивание собственной исключительности, забвение того, что твои успехи связаны с усилиями многих и многих других людей.

Именно такой коллективной удачей и режиссера, и сценариста, и оператора, и многих других участников кинопроизводства следует считать победу Михаила Ульянова в «Председателе» или, скажем, Смоктуновского в новом для него жанре кинокомедии. В этих ролях актерам была дана возможность отойти от навязчивых штампов, которые в иных сценариях преследуют исполнителя, как листья осенью.

Я не могу обвинить актерскую молодежь в недостатке мастерства. Но часто видишь, как актер бессил вырваться из сетей однообразия и штампа, навязанных ему сценарием. Сколько их еще на полках наших студий, сценариев с торопливо выписанным сюжетцем, поношенными, давно знакомыми характерами и к тому же с претензией на мышление! Едва ли под силу самому талантливому актеру одеть таких героев живой плотью полнокровного человеческого характера.

О трудностях актерской профессии пишут много. Но чаще речь идет о стороне, так сказать, внешней, технологической, о слепящем свете прожекторов, о тяготах экспедиций: палящей жаре или трескучем морозе, в которых приходится работать. Все это общеизвестно. И не в этом суть. Мне хочется говорить

о волнении рождает и новые средства раскрытия человеческого характера. Наверное, у каждого актера это процесс индивидуальный, но у меня лично бывает так, и только так в каждой новой работе. Если такого взаимодействия художника-гражданина и художника-творца не наступает, на успех роли рассчитывать нечего.

С признательностью и любовью вспоминаю я о фильмах по сценариям Александра Довженко, в которых мне довелось играть. В них всегда авторская мысль, гражданский пафос, огромные философские обобщения необычайно тонко и точно выражались в конкретных, неповторимо своеобразных человеческих индивидуальностях, в яркой, подлинно народной форме.

И все-таки еще мало встретиться в своем творчестве с такой ролью, нужно суметь донести ее, нужно быть подготовленным к ней. Нужно как можно больше знать и о самом воплощаемом характере, и о произведении в целом, и о времени, в нем изображенном.

Современный актер, я уверен в этом, не может не интересоваться живо и глубоко всем, что происходит сейчас в нашем богатом событиями мире. Но важно, чтобы познания эти не стали просто суммой разноразных сведений. Познание художника должно быть эмоциональным, активным, формирующим его гражданскую позицию. Позицию, которая выражается буквально во всем: в поступках больших и, казалось бы, незначительных, в отношении к справедливости и несправедливости, в умении не кривить душой, не умолчать, а встать на защиту разумного и честного.

Для того чтобы суметь воплотить те прекрасные характеры, которые дает литературная классика или лучшие работы наших профессиональных сценаристов, актер должен быть подготовлен всем опытом своей жизни, отточенностью профессионального мастерства, а прежде всего своей художнической позицией — позицией гражданской активности.